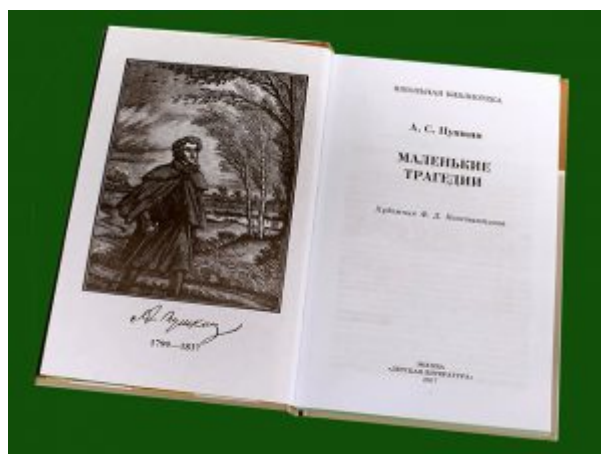


Как спасти русский язык

Недавно позвонила моя однокурсница Ирина Пушкина и буквально огорошила необычным предложением. Без всяких там прелюдий и сантиментов.



– Ты можешь стать первым чеченцем – защитником русского языка!

Признаюсь, вначале я немного опешил и хотел уже отказаться. Слишком большая это ответственность. Да и как в одиночку защищать язык, на котором говорят миллионы?

Практически нереально, как сказал герой Никулина из популярного советского фильма.

– А что с ним случилось? – осторожно интересуюсь, наконец, думая самое худшее. Вдруг тем, кто не успел вакцинироваться, запретили разговаривать на родном языке? Кроме больших начальников и каких-нибудь олигархов, разумеется. Хотя их аглицкий выручит в случае чего: многие давно уже за горизонтом. А простолюдинам придется довольствоваться небольшим набором жестов, пантомимой или общаться через сурдопереводчика. Тем более к запретам нам не привыкать.

А что, вполне могли выйти с такой инициативой слуги народа. С чем они только не выходили! К примеру, с требованием убрать со сторублевой купюры скульптуру Аполлона на колеснице, чьи обнаженные тестикулы вводят массы в смущение, не разрешать ввоз в страну обуви на плоской подошве, запретить букву «ы» в русском алфавите... Последняя инициатива исходила от лидера ЛДПР, который таким необычным способом испытывал общественное мнение. «Гортанные звуки используют только дикие звери, –

объяснил он коллегам из Госдумы. – Это азиатчина, которая досталась нам от монголов! Из-за них и не любят русских в Европе».

К счастью, все оказалось не так драматично. Дело в том, что моя добрая знакомая – литературный редактор. Довольно опытный и болеющий за качество слога, за стиль каждой статьи, каждого абзаца даже в научном тексте. Она уверена, что в наше время русский язык теряет былое изящество, привлекательность, свое величие и мощь. Чрезмерное и неоправданное использование чужих слов слишком утяжеляет речь, усложняя ее понимание и усвоение. Вдобавок ко всему время от времени проталкивается идея легализации обценной лексики. «Прочти и ужаснись!» – подытожила свой спич Ира Пушкина.

Не так давно мне довелось принимать участие в радиопрограмме вместе с главным режиссером одного из ведущих федеральных телеканалов. Разговор шел в основном о качестве питания и вреде, наносимом здоровью населения из-за бездумного использования химикатов в производстве сельхозпродукции.

Естественным образом перешли к вопросу – мол, неплохо бы оживить отечественное сельское хозяйство, чтобы обеспечить то самое импортозамещение, о которой говорил Президент РФ, чтобы не зависеть от Запада с его санкциями.

И вдруг мой визави вспылал.

– Да бросьте вы! Не нужно всего этого! Россия спокойно проживет без всех этих колхозов, артелей и трудодней. Вечно тянете обратно в деревню с ее бездорожьем и тотальным пьянством. При этом запрещаете колоритный русский мат, на котором общаются обитатели той самой деревни. Даже закон придумали, чтобы ограничивать его хождение.

Вначале я пытался возразить телевизионному гуру, что сквернословие и матерщина на самом деле живы и неплохо себя чувствуют. Достаточно пройтись по улице и послушать живое общение людей, особенно молодых. Но главреж распалился не на

шутку!

– Речь не о бытовом использовании! Слава богу, здесь вас никто не спрашивает. А о допуске мата на главные телеканалы, в литературу, в СМИ, на театральные подмостки, о чем мы давно просим и даже ставили вопрос перед властью!

– На фиг нужна бесцензурщина на телевидении? – не сдержался я. – Ведь смотрят дети, школьники, женщины! Вам что, выразительных средств не хватает? Достоевский и Толстой создавали свои шедевры без всякой ругани!

Главреж надменно глянул в мою сторону.

– У вас пещерное сознание!

Не знаю как другие, но я уверен, что в некоторых вопросах действительно нужно и даже полезно быть ретроградом. Деградация нравов и моральный упадок, которые мы наблюдаем в некоторых западных странах, тоже начинались с либерализации запретных тем в литературе, искусстве, кинематографии. Следом появились разные хиппи, рокеры, панки, за которыми расцвели махровым цветом специальные фестивали типа «Розовых ночей» в итальянском Римини, шествия ЛГБТ и гей-парады по всему миру.

Кстати, бесцензурщина, площадная речь, сленг, арго активно используются сегодня в некоторых театрах, в кинематографе, несмотря на запреты, введенные еще в 2014 году. Даже перед угрозой огромного штрафа и даже под страхом уголовного преследования иные шибко продвинутые режиссеры умудряются внедрять в свои постановки эротические сценки с голыми девицами и накачанными телами особей неопределенного рода. Ибо художники «так видят»! Всякие возражения, обращения и призывы «доколе» трактуются ими как зоологическое невежество и пещерность.

Впрочем, чудачества отдельно взятых режиссеров или сочувствующих им коллег по творческому цеху – писателей, поэтов, художников – не единственная и не главная тревога, о которой поведала моя однокашница. Серьезный вред качеству

языка наносят, по ее словам, некоторые официальные структуры. Что самое ужасное, из сферы образования, обязанные стоять на страже интересов государства.

Не так давно вышло в свет пособие для студентов факультета журналистики одного из старейших вузов. Приведу лишь несколько абзацев из него. Вот что пишут авторы труда для студентов-журналистов: «Небрежность в употреблении слов ведет... к обнаружению скрытых элементов смысла, например пресуппозиции или имплицатуры и к когерентности текста».

Или вот еще: «Студенты должны увидеть различия в денотативном, сигнификативном и коннотативном компонентах значения. Журналист должен понимать, что экстенционал и интенционал представляют собой границы, в которых слово может употребляться...»

Еще один шедевральный абзац: «К известным для студентов добавляются меронимические, гипонимические отношения. Конверсивные рассмотрены отдельно, а не как часть антонимических. Мы предложили рассмотреть отношения, названные как отношения семантической маркированности, противопоставляющие слова с четким и нечетким интенционалами...»

Вы что-нибудь поняли? Я – не очень, хотя не одно десятилетие посвятил журналистской профессии и даже добился в ней кое-каких скромных успехов. Зачем обычному студенту такое обилие непонятных слов и выражений? Они только запутывают и усложняют усвоение темы. Следовательно, снижают качество самого процесса образования. Александр Грибоедов так характеризовал пристрастия некоторых соотечественников к чужой культуре: «смесь французского с нижегородским».

Гениальность – в простоте. У Пушкина что стихи, что проза, что пьесы удивительно легко читаются, хотя он не избегал заимствований из других языков, особенно французского. Но тем лишь обогащал родной, добиваясь простоты и большего изящества стиля и слога.

Никто не призывает изъясняться исключительно на суконно-

посконном. К примеру, переименовать галоши в мокроступы, тротуар в топталище, арену в ристалище, а кофе «Американо» в «Россияно», как предлагал бывший премьер-министр РФ, чьи яркие цитаты чуть ли не «отливали в граните»!

Язык, как любой живой организм, постоянно развивается, в том числе за счет других народов. Известный российский полиглот Дмитрий Петров считает, что в русском словаре несколько тысяч французских, итальянских и латинских слов. Я уже не говорю о тюркизмах, арабизмах, персизмах, коих тоже хватает. Есть даже заимствования из кавказских языков, в том числе из моего родного, чеченского. К примеру, кент, кунак, тейп, салазки. Правда, в кавказской культуре намного больше русских слов, что вполне естественно.

Речь о разумном использовании этих заимствований. Чтобы они не нарушали мелодику, изящество и красоту самого языка. Очень проникновенно сказала по этому поводу оперная певица и педагог Любовь Казарновская: «Кто сегодня слушает шелест страниц? Кто вчитывается в эти дивные тексты, что нам оставили наши пращуры? Кто сегодня думает о гармонии стиха? Кто из школьников расшифровывает эти послания от замечательных соотечественников? Кто упивается словом? Сегодня мы разговариваем интернет-языком. Ставим смайлики и сердечки вместо «благодарю» и «спасибо»! Засоряя речь, а вместе с ней и наше сознание!»

И действительно, еще одной опасностью стала волна англицизмов, так называемых интернет-морфем, буквально захлестнувших наш лексикон. К примеру, нельзя представить сегодня общение без таких понятий, как фейк, фрик, френд, треш, твит, тролль, мем, коуч, имейл, онлайн и т.д. Новых слов уже не десятки и не сотни – гораздо больше.

А может, так и должно быть? И все мы – защитники, заступники и радетели «великого и могучего» – просто отстали от жизни или застряли безнадежно в «пещерном сознании»? А мир вместе с языком движется навстречу прогрессу со своими фейками, фриками

и трешами. Независимо от нас и вопреки тому, что мы пытаемся до них донести.

Кстати, тогда наш спор на радиопрограмме остановил ведущий, признавшись, что также переживает за будущее русского языка. И, как отец двоих детей, категорически против всякого использования мата в эфире. То есть безоговорочно принял мою сторону. Правда, больше на свои радиопрограммы не приглашал!

The logo consists of the letters 'MKRU' in a stylized, italicized font. The 'M' and 'K' are blue, while the 'R' and 'U' are red. The letters are closely spaced and have a slight shadow effect.

Саид Бицоев